

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВЕРНИТЕ ЕВРОПЕ УБЕЖДЕНИЯ (АЛЕН БАДЬЮ И «КОНЕЦ ФИЛОСОФИИ»)

В.М.Раков

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Статья представляет собой свободный отклик на работы французского философа Алена Бадью. В ней делается попытка увидеть его место в «постсовременном» европейском культурном ландшафте.

Ален Бадью (Alain Badiou, род. 1937) – из тех западных интеллектуалов, что идут против течения постсовременности, набирающей ход с середины XX столетия и на философском уровне представленной постмодернистскими «анти-концепциями» М.Фуко, Ж.Делёза, Ж.Деррида, Ж.-Ф.Лиотара и др. Все они – властители умов целого поколения. Все они – противники «логоцентризма», по их мнению, загоняющего разум в золотые клетки метафизических систем, заключающего его в тюремные стены идеологий.

Хорошо известно, к чему привел век идеологий в Европе: к двум мировым войнам, к Освенциму и Гулагу, к девальвации человеческой жизни и человеческой свободы. «Довольно!», «never again», ничто и никого нельзя воспринимать отныне слишком всерьез, потому что мысль изреченная есть... если и не ложь, то в любом случае проявленная воля к власти, как это показал еще Ницше, в любом случае – захваченность *интересом* – прозелитическим, политическим, экономическим, любым иным. Таковую мысль следует тут же *деконструировать*, показать ее связанность собой, обличить элементарность ее претензий, вырвать ее хищные зубы, посягающие на свободу нашего выбора, на естественнейшее право быть собой.

В описанном смысле постмодернизм – опыт свободы, и у меня не поднимется рука и не повернется язык хоть как-то его сузить или ограничить. Даже когда «классики» постмодернизма заявляют о «смерти автора», это нужно понимать как защиту священного «авторского права» читателя на собственную

интерпретацию авторского же текста. В постмодернизме, на мой взгляд, необходимо различать декларации и интуиции. На уровне деклараций постмодернистские авторы могут констатировать «смерть автора» и даже «смерть “я”», однако на уровне интуиций мы чувствуем совсем другое, а именно попытку защитить человека и личность от нивелирующего катка современности с ее инструментальным разумом, с ее тотальным функционализмом, упраздняющим человека как субъекта самосознания.

Это было про, теперь – contra: постмодернизм, как неоднократно писалось, не имеет «позитива», ему нечего предложить взамен современного проекта, который, по мнению его постмодернистских критиков, исчерпал себя. Негативная, бессодержательная свобода постмодерна, хотят того или нет его ревнители, на деле и задним числом, в широкой социальной практике выливается в равнодушие и в кризис гражданских ценностей.

Говоря иначе, нужно различать индивидуализированный, элитарный, эзотерический постмодернизм интеллектуалов, уходящий корнями в сферу личной свободы, в секулярно-мистическое молчание, и массовый постмодернизм потребителей. Подлинная, «штучная» свобода первых в товарно-обиходном исполнении оборачивается тривиальным индивидуализмом без внутренних обязательств, без этики.

В массовой культуре постсовременности, оформленной постмодернистскими дизайнерами, иметь убеждения – скандально. Удобнее всего в постсовременном обществе чувствует себя «чело-

век без свойств», которого «преднаблюдал» непризнанный при жизни Р. Музиль, а еще раньше под именем «последнего человека» вывел на страницах своих книг Фридрих Ницше¹. Господство «последних людей, неистребимых, как земляная блоха» (Ницше), создает реальную возможность цивилизационного декаданса, «заката» если не Запада, то все той же Европы, чьи институты в XVIII и XIX вв. были обеспечены моральным чувством и протестантско-либеральной «мирской аскезой». В XX же столетии этот «золотой запас», по мнению многих из тех, кто профессионально оценивает развитие современного проекта, явственно иссякает. Это признает даже такой умеренно-критический мыслитель, как Ю. Хабермас, отстаивающий мысль о незавершенности модерна как исторической и культурной эпохи в полемике с его радикальными критиками, например, М. Фуко.

Жизнь и творчество Алена Бадью, на мой взгляд, нужно рассматривать именно в очерченном контексте: современный проект и его противоречия, опасность эрозии ценностного базиса западной целерациональности и ее институтов. Бадью – один из левых критиков поздней (или пост)современности. Его левизна поначалу настораживает: он с теплотой отзывается о Ленине; он с ностальгией вспоминает «красный май» 68-го; он возглавляет троцкистско-маоистскую группу Союз коммунистов Франции (марксистов-ленинцев).

В то же время Бадью человек мысли, причем западной – и по форме, и, что важнее, по существу. Он – автор огромной по объему и весьма сложной по языку философской работы «Бытие и событие» (1988), чье название сразу же отсылает нас к Хайдеггеру. Он серьезно занимался математикой, в частности теорией множеств. Он испытал влияние «антифилософии» Ж. Лакана – предтечи французских и европейских постмодернистов и постструктуралистов второй половины XX в. На этом фоне политическая левизна Бадью выглядит уже не столь брутальной: он, в сущности, вышел из той же среды левых интеллектуалов, что и Делёз с Фуко. Кстати, его перу принадлежит книга о Делёзе, изданная в

1997 г., через два года после самоубийства последнего.

И Делёз с Гваттари, и Фуко, и Бадью не принимают новоевропейского «дисциплинарного», капиталистического общества, все более исключаящего, по их мнению, возможность свободы и справедливости. В нынешнем мире рутинизируется все – от веберовской харизмы до современных культуры и политики. Они все более формализуются, все более инфлируют.

Итак, я не преувеличивал бы разницу между мыслью Бадью и протагонистов постмодерна. Она не столь глубока. В то же время она существует, и в некоторых ключевых моментах эта разница принципиальна. В чем же она? В какой области следует ее искать? В любом случае – не в области политических убеждений. Различие, насколько я понимаю, нужно искать в области философских идей.

В отличие от постмодернистов Бадью не считает исчерпанной классическую философскую традицию. Он – противник капитализма, но не философского рационализма и, в конечном счете, не Модерна (Современности). В этом плане постмодернистские философы для него – новые софисты, которые, как некогда софисты Древней Греции, декларируют условность не только частных истин, но и Истины: «Софист говорит, что истин нет, что есть только высказывательные техники и места высказываний»². Софист говорит также, «что бытие как бытие недоступно понятию и мысли»³. Все, что составляет «софистический итог нашего века» и чем оперирует постмодерн, – «языковые игры, деконструкция, слабость мысли, неисправимая разнородность, разногласия и различия, развалины Разума, выдвижение фрагмента, раскрошенные (и раскрашенные. – В.Р.) дискурсы – все это служит доводом в пользу софистической мысли и загоняет философию в тупик»⁴.

Выступая против всего этого, Бадью разворачивает современную защиту Разума в форме «платоновского жеста», жеста возвращения к философии. Рассмотрим этот жест в его основных движениях.

Восстановить философию в ее пра-вах можно лишь через обретение ею сво-его предмета – во-первых, бытия, о кото-ром (или которое) можно мыслить, во-вторых, истины, которая присуща бы-тию. Объективная данность того и друго-го для Бадью несомненна, однако в обоих случаях он делает поправки на современ-ный интеллектуальный опыт: бытие для него принципиально множественно, это не протяженная и однородная субстанция Декарта и не сакрализованное бытие Хайдеггера. Онтологизм немецкого фи-лософа, по мнению Бадью, так или иначе притязает на свободу Субъекта – еще од-ного *conditio sine qua non* философии.

Бытие множественно в том смысле, что предстает в сознании субъекта в од-ном из четырех модусов, которым соот-ветствуют четыре *родовых процедуры*, они же – четыре условия философии. «Эти условия суть: матема, поэма, поли-тическое изобретение и любовь»⁵. Благо-даря этим условиям или посредством этих родовых процедур субъект пози-ционирует себя, всякий раз по-разному, относительно истины, которую Бадью вслед за новоевропейскими философами считает центральной категорией филосо-фии.

Множественность бытия у Бадью рождает чувство, что где-то недалеко, если не рядом, дышит его философский сосед и противник – современный со-фист. Да Бадью и не скрывает этого: «Из большой софистики современный фило-соф удерживает следующее: бытие по своей сути множественно»⁶.

Подобным же образом – в полемике и в сотворчестве с постмодерном – скла-дывается у французского философа и представление об истине. Пример со-творчества: «Философская категория ис-тины сама по себе пуста. Она действует, но ничего не представляет»⁷. Как мы зна-ем, пустота для постмодернизма – один из его паролей. Пустотность, в сущности, буддийская (постмодернизм во многом конгениален буддизму, он существенным образом есть евробуддизм) – отправное условие несвязанности, а значит, свобо-ды. Бадью эта интуиция далеко не чужда. Его политизированность странным обра-зом противится идеологизации. Это по-

литизированность, прошедшая через опыт идеологизации и вместе с тем со-хранившая то, что Бадью называет «вер-ностью» – верностью не идеологиям, а личным убеждениям.

Истина имеет отношение к *пустоте* еще и потому, что «образует в знании дыру»⁸. Как заметил апостол Павел, «знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор., 8) (кстати сказать, Бадью – автор книги об апостоле Павле). Бадью, «абсо-лютный атеист», как он сам себя квали-фицирует, солидарен с апостолом в том, что истина имеет отношение к поступкам и внутренним переменам, а не к декла-рациям истин: «... не бывает знания исти-ны, а бывает лишь производство истин»⁹. Или: «...происхождение той или иной истины – из разряда событий»¹⁰, событие же – «это условие появления – в ситуа-ции – истины»¹¹.

Событийное происхождение истин (истины) делает их «точечными», кон-кретными (Гегель). Являющаяся в собы-тии истина всегда *совозможна* (термин Бадью) другой истине: «...философия располагает совозможные истины на фо-не пустоты»¹². Добавим, что истины, со-гласно Бадью, процедурны («истинност-ные процедуры»), они не имеют отноше-ния к накоплению знаний¹³.

Понимание истины Бадью, как он сам пишет, «радикально имманентно»¹⁴ и ситуативно: истинностные, родовые про-цедуры бывают только в ситуации и «всякая истина есть родовое подмноже-ство, реализующее истину той ситуации, в которую оно включено»¹⁵.

Таким образом, *верность* Бадью ис-тине отвечает форме времени. Эта форма – множественность: «Истина может быть только особым производством некоей множественности...»¹⁶. Однако следова-ние форме времени не означает следова-ние его релятивистскому духу, воплоще-нием коего, по мысли Бадью, и являются современные софисты. Приведенная фра-за продолжается следующим образом: «Все дело в том, что эта множествен-ность не будет подчинена авторитету языка»¹⁷. Язык же, в своей императивно-суггестивной функции выступающий в постмодернистской мысли под маской *дискурса*, лишает множественность дей-

ствительности и просто диктует ее нашему сознанию. А это уже «догматический террор», которого Бадью, в отличие от «политических» радикальных левых, на дух не переносит. Он верит, что не язык говорит нами, а мы – языком.

В отличие от предустановленной тяжеловесной и метафизически неизменной истины Декарта или Гегеля истина Бадью оперативна и событийна, она известным образом дематериализуется. В отличие от современных софистов, пытающихся «заменить идею истины идеей правила»¹⁸, Бадью – на стороне истины. Его девиз – «дематериализация истин без превращения их в языковые игры»¹⁹. Разумеется, Бадью ближе к Декарту, чем к Бодрийяру или Эко. Более того, он – его, Декарта, философский собрат и продолжатель: «Философия будет существовать лишь в том случае, если она предложит в соответствии со временем новый этап в истории категории истины. Сегодня истина служит Европе новой идеей»²⁰.

Итак, философия для Бадью «ни в коем случае не завершена»²¹. Однако сегодня она «ничего не предписывает, не является поставщицей истин. Она является виртуозным упражнением в возможности истин»²². Такая философия, как мы уже знаем, в существе своем расходится с постмодернистской софистикой, не требуя, тем не менее, ее полной капитуляции, напротив, она по-своему заинтересована в софистических искусствителях: «Во все времена для того, чтобы философия хранила свою этику, необходим софист. Ибо именно софист напоминает нам, что категория Истины пуста»²³. Философия губит себя, как только обретает «черное желание покончить с софистом *раз и навсегда*»²⁴.

Философия должна не только пройти между сциллой догматизма и харибдой постмодернистского панрелятивизма, она должна избежать перехода собственных границ и вторжения на чужую территорию, будь то наука, политика или искусство. Освобождению философии от «не своего» Бадью посвящает, вероятно, самые интересные страницы своих работ, в частности, своего «Манифеста философии»

», к которому я и отсылаю заинтересованного читателя.

Речь идет о «теории швов». Выше упоминалось о четырех условиях философии и четырех «родовых процедурах» – «матеме, поэме, политическом изобретении и любви». По мнению Бадью, философия теряет себя в том случае, если «она целиком препоручает все мышление *одной* родовой процедуре», если она «подшита» к ней. Например, на протяжении XIX в., «от Гегеля до Ницше», действовал «шов позитивистский или сциентистский, который ожидал от науки, что она сама сформирует законченную систему истин своего времени»²⁵. Иными словами, философия XIX в. заискивающе рядилась в одежды академической, университетской мысли, желая выглядеть исключительно «научной».

Один из примеров «политического шва», по мнению Бадью, – марксизм. «На политику здесь *философски* указывается как на единственный способ сформировать на практике общую систему смысла, философия же обречена на постепенное упразднение»²⁶. Бадью вспоминает известный тезис о Фейербахе, в котором философское истолкование мира заменяется его революционным преобразованием («философы лишь различным образом объясняли мир...»). В целом же, как считает Бадью, «марксизм *скрестил* два шва, политический и научный»²⁷, пытаясь редуцировать философию еще и к «единственно верному учению».

После Ницше, полагает Бадью, философия все более уступала искушению «подшиться» к искусству, главным образом к поэзии (поэме). Переломным моментом в этом движении стала вера Хайдеггера в то, что прямым доступом к бытию обладают только поэты. Вершиной же означенного тренда явился литературный фетишизм постмодерна.

Вопреки всем формам отказа философии от себя Бадью провозглашает «философский жест снятия швов»²⁸. В особенности он настаивает на «разводе» философии с поэзией. Он объясняет это тем, что к середине XX столетия догматические притязания идеологии (политики) и сциентизма обнаружили себя в полной мере, в то время как иллюзии ли-

тературоцентризма еще далеко не развелись, более того, они «сгустились» в некую субстанцию внушения, претендующую на культурную всеобщность («Оказывается, что главная цель, высшая трудность состоит в том, чтобы снять с философии шов ее поэтического содержания»²⁹).

И вопреки массовому убеждению в оправданности литературной экспансии, стоя поперек ее ширящегося потока, Бадью заявляет, что «век поэтов завершен». Его «забежавшим вперед пророком и дозорным» был, по мнению Бадью, Гельдерлин, затем Ницше решительно смешал философию и литературу в раскаленном миксере своего творчества, а Малларме, Рембо, Пессоа, Мандельштам и Целан развили эти начинания в доминирующую тенденцию культуры³⁰.

«Век поэтов» кончается на Целане, считает Бадью: «Творчество Пауля Целана на последнем краю и изнутри поэзии выражает конец века поэтов. Целан завершает Гельдерлина»³¹. От себя добавлю: Целан, на мой слух, достигает именно края поэтического языка (но, разумеется, не предела поэзии как формы творчества, поэзия неисчерпаема) – его образность настолько субъективно-герметична, что делает очевидной разнородность поэзии и философии. Философская рефлексия (об этом не раз упоминает Бадью) так или иначе тяготеет к систематике, к тому, чтобы прояснить человеческую ситуацию – не всегда посредством языка (вспомним «беспросветный» философский язык Гегеля или Хайдеггера), но всегда по сути.

«Поэму необходимо десакрализовать»³², заключает Бадью, т. е. лишить ее влияния на философию. Последняя должна последовательно уходить с «поверхности языка» («поверхность» – одна из излюбленных постмодернистских метафор, заменившая «глубины» и «высоты» прежней философии и безразличная к любой системе оценок, к любой шкале. «Поверхность» воплощает принцип нолиархии и вневекторное, горизонтальное, «номадическое» движение постмодернистской мысли). Отсюда понятна следующая фраза Бадью: «Философия всегда – битье зеркала. Это зеркало – по-

верхность языка, на которой софист располагает все то, с чем обращается в своей деятельности философия»³³.

Завершить этот краткий экскурс мне хотелось бы еще одной попыткой определения места, которое занимает Бадью в культурном (и отчасти политическом) пространстве современного европейского Запада. Бадью, как мы уже знаем – левый. Однако левее его (культурно левее) мы находим тех «современных софистов», с которыми он ведет спор. Его «левизна» принадлежит культуре модерна, а не постмодерна. С точки зрения, например, Лиотара, Бадью старомоден и даже архаичен: в его философии сохраняют свои права такие ценности и агенты модерна как субъект (личность), рациональность и нравственная определенность.

Затем, «левизна» Бадью, насколько я могу судить, лежит вне того критического русла, которое проложено мыслителями франкфуртской школы начиная с Дьердя Лукача. Бадью признает себя наследником Декарта, а значит, в той или иной мере и Просвещения, создавшего культуру модерна. Как относились к Просвещению «франкфуртцы», хорошо известно из «Диалектики Просвещения» Хоркхаймера и Адорно. Одновременно Бадью не оставляет сомнений в своем левом, уже политическом, радикализме: «...сегодня невозможно сохранить никакую политическую свободу, никакую независимость духа без постоянной и упорной борьбы против империи США»³⁴. Любопытно, что в отличие от Деррида и того же Лиотара, не пренебрегавших возможностью заработать лекциями в американских университетах, Бадью никогда не позволял себе подобного «оппортунизма».

Несмотря на репутацию оппозиционера, Бадью в последние годы привлекает к себе не меньше внимания, чем, например, недавно ушедший из жизни Деррида. С той стороны «баррикад» Ж.-Ф. Лиотар назвал «Манифест философии» Бадью «поразительной книгой». Не следует ли интеллектуальное возвышение Бадью воспринимать как один из первых симптомов того, что «конец философии» в Европе не удался, а вот «конец постмо-

дерна», возможно, не столь уж далек? Если это так, то следующие строки из «Апостола Павла» могли бы послужить эпиграфом к очередному, постпостмодернистскому витку европейской истории: «...в конечном счете, сам Павел учит нас, что важны не знаки силы, не образцовые жизни, а то, на что способно убеждение, здесь, теперь и на все времена»³⁵.

Примечания

¹ «Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», - говорят последние люди и моргают» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 11).

² Бадью А. Манифест философии. СПб.: Машина, 2003. С. 164.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 164-165.

⁵ Там же. С. 15-16.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Там же. С. 153.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же. С. 126.

¹² Там же. С. 170.

¹³ См.: там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 147.

¹⁹ Там же. С. 136.

²⁰ Там же. С. 66.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 126.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ Там же. С. 162.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ Там же. С. 36.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ Там же. С. 41.

³¹ Там же. С. 47.

³² Там же. С. 138.

³³ Там же. С. 170.

³⁴ Бадью А. Философские соображения по поводу нескольких недавних событий // Критическая масса. 2002. №1 // www.russ.ru/code/product.cgi.

³⁵ Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.:СПб., 1999 // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/Badiou.htm>.

RETURN THE CONVICTION TO EUROPE

V.M. Rakov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st, 15

The article may be presented as an introduction into the philosophy of A. Badiou. In the centre of author's attention is the Badiou's discussion with the "contemporary sophists", that is with the philosophers, defending the postmodern system of opinions. In this discussion Badiou, how the author supposes, is founded on the side of classical philosophy, which, naturally, can't stay the same in the modern cultural situation, however in the same time save its nucleus, particularly the idea of personality.